

Валентин Беляков

ЧАС ЧЕРВЕЙ

---

*...И возопят
Верхние мира сего
в бессилии своём,
И с поклоном
земным попросят
нас в спасители
свои,
И пробьёт Час
Червей...*

Валентин Беляков

Час червей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47409983

ISBN 9785005053770

Аннотация

У каждого живого существа разный уровень сродства к своей реальности. Далеко не все чувствуют себя в реальности, как дома – кого-то этот мир отторгает, душит, сводит с ума. Так и для главного героя этой книги, неуместного, неуклюжего, жизнь в реальности – настоящая пытка. Что ему остаётся, кроме побега в другие миры, хотя бы во сне. Но, может, он убежал слишком далеко?

Содержание

Глава 1. Перенапряжение	5
1	5
2	9
3	12
Глава 2. Черви на клавиатуре	18
1	18
2	23
Глава 3. Поющая жемчужина	28
1	28
2	34
3	39
Глава 4. Наездник мыши	44
1	44
2	47
Глава 5. Я ведьма	53
1	53
2	57
Глава 6. Дальше в лес – больше дров	65
1	65
2	70
Глава 7. Двое из АМН	75
1	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Час червей

Валентин Беляков

*...И возопят Верхние мира сего в бессилии своём,
И с поклоном земным попросят нас в спасители
свои,
И пробьёт Час Червей...*

Автор обложки Валентин Беляков

© Валентин Беляков, 2020

ISBN 978-5-0050-5377-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Перенапряжение

1

Поезд метро – гигантский сегментированный червь. Он делает глубокий вдох, засасывая через поры потоки человеческого планктона, и несётся сквозь черноту межстанционного пространства, грохоча невидимыми пароподиями. Людям это, несомненно приносит безмерную пользу, а ему какое в этом удовольствие? Мы никогда не узнаем...

Я с тоской вспоминал беззаботные времена, когда был способен дышать носом. Ну почему я не ценил этой возможности буквально вчера? Я устало вздохнул. Ртом. И тут же смутился, вспомнив, что запас мятной жвачки иссяк ещё сегодня утром, почти одновременно с запасом бумажных носовых платков. Кто-то облокотился сзади на мой рюкзак, – между прочим, тот и без того был далеко не лёгким, – и надостная мышца напомнила о своём напряжении ноющей болью. Мне тоже не хватает кислорода, госпожа мышца, но я вот что-то не ною. Я осознал, что пробормотал этот бред вслух, и меня лизнула своим наждачным языком новая волна смущения. Я нередко думаю вслух, а сейчас и подавно – повышенная температура даёт о себе знать, туманит рассудок. Меня лихорадит. Голова пульсирует, слегка выталкивая

из орбит глаза, и без того вечно выпученные. Разряженный в ноль телефон сквозь поломанные наушники двумя тонкими струйками льёт мне в мозг тишину. Спать.

На куртке откуда-то взялась вульгарно-алая бусинка и лениво покатилась вниз, оставляя на ткани влажный багровый след. Я с вялым любопытством проследил за ней: сорвавшись с куртки, она шлёпнулась на грязный носок моего ботинка, превратившись в пыльную кляксу в форме морской звезды. Через секунду к ней присоединилась её сестра. Я близоруко прищурился и чуть наклонился, чтобы разглядеть их поближе. Кровавая капля участилась. Несколько капель расцвели на полу, пострадали также элегантные сапоги сидевшей напротив меня женщины, сверхъестественным образом сохранившие в такую погоду свой кремово-белый цвет. Я поднял глаза и встретился взглядом с обладательницей сапог. Несколько секунд она молча сверлила меня взглядом с нарастающим возмущением. Наконец, дама не выдержала и скрипично взвизгнула:

– Да ты это специально что ли?! Или спишь на ходу?! Ну и дятел!

Резкий окрик привёл дятла в чувство, он вспомнил, где находится, и с ужасом осознал, что красные капли – не что иное как кровь, льющая у него из носа. Рефлекторно прижал руки к лицу. Судорожно похлопал себя по карманам, вспоминая, что салфетки как раз закончились, заливаясь нервным румянцем и кровью, и ещё сильнее пачкая куртку измазан-

ными в крови пальцами.

В этот момент поезд затормозил. Я пошатнулся, потерял равновесие и упал бы, если бы не схватился за чью-то руку, сжимавшую поручень и чью-то полу пальто. В результате этих действий, вышеперечисленные предметы тоже оказались бесцеремонно испачканы. Всё вокруг начало возмущаться. Я было начал булькать что-то извинительное, но краем уха услышал объявление названия станции. Моей станции. Я стал протискиваться вперед, чувствуя себя неуклюжим, мокрым и грязным, болезненно ощущая, сколько раздражения и неудобства причиняю окружающим. В последний момент один из наушников предательски выскочил из уха и не замедлил зацепиться за что-то в мешанине тел.

Я рванулся вперёд – наружу, червь-поезд с лязгом захлопнул челюсти дверей, выдрал у меня наушники и слабый вскрик и, рокоча, увлёк свою добычу в темноту туннеля.

Я остановился, с трудом переводя дыхание. Тёплые стуйки крови заливали губы, подбородок, пробирались за воротник. Давление и температура... Как не кстати... Наверное, всё же не следовало ехать на учёбу больным. Сгорая от неловкости и пытаясь зажать нос рукавом, я поспешил на пересадку.

Следующую часть пути я простоял, прислонившись к стене, запрокинув голову. На меня бросали беглые взгляды, не то недовольные, не то сочувственные. Впрочем, пожертвовать сидячим местом или салфеткой никто не соизволил,

а сам попросить я категорически не мог – губы совсем слиплись от смущения и запёкшейся крови. Теперь она хотя бы текла внутри, тошнотворно обволакивая носоглотку. На вселенском чемпионате неудачников я бы занял второе место.

Я отпер дверь квартиры своим ключом, вместо того чтобы позвонить: Билла лучше лишний раз не отвлекать от зомбо-ящика, а Ида...

Она как всегда стояла в коридоре, поджидая меня. Интересно, она подходит, когда слышит звук поворота ключа в замке или, может, высматривает меня в окне? Впрочем, какая разница, если на этом всё и кончается. Я по привычке пытаюсь поймать отсутствующий взгляд болотных глаз (по оттенку они точь-в-точь такие как у меня – достались нам от матери вместе с редкими белёсыми ресницами), и сердце болезненно сжимается. Ида как всегда смотрит в пустоту.

– Как твой день? – привычно спрашиваю я и сам себе отвечаю: – у меня, как видишь, тоже не задался. Не подашь салфетку? Действительно, лучше пойду сразу в ванную, ты, как всегда, права.

Я обошёл сестру, торчавшую посреди коридора, словно низенький потухший торшер, и ввалился в ванную, тяжело опершись на раковину красными от аллергии руками. Помимо воли я бросил взгляд на своё отражение и успел подумать «ну и пугало», прежде чем всё поле зрения заволокло туманом цвета отсутствия ТВ-сигнала, ноги превратились в желе и заплесневевшие плитки пола прыгнули мне под щёку...

– В ванной кого-то пытали что ль? – ворчливо спросил Билл.

– Я вроде убрал там, – ответил я, хрустя печеньем и звеня тарелками.

– Ты заболел что ль? – все фразы Билла имели сходную синтаксическую конструкцию.

– Я и не выздоравливал, – что там ещё? Остатки вчерашней рыбы, пюре, лимонные слойки, шоколадка...

– М-м, – он, наверное, хотел ещё что-то добавить, но забыл. Окинул неодобрительным взглядом гору еды, с трудом помещавшуюся у меня в руках и презрительно скривился.

– К апокалипсису что ль готовишься? – ого, новый порядок слов.

– Ага, запасаясь на чёрный день.

– Хватит называть ночь чёрным днём.

Я бы охотно показал, что думаю о его чувстве юмора, но мои пальцы были слишком заняты поддержанием составляющих продовольственной пирамиды.

Наша квартира – маленький огород или глубоководная заводь.

Билл со своим нескладным длинным телом и таким же вытянутым, словно куда-то стекающим лицом больше всего походит на баклажан или кабачок. Он часами лежит неподвижно, как выброшенный из воды морской огурец, лишь иногда подавая признаки жизни – шумно прихлёбывая пиво

или переключая каналы.

Я сижу, сторбившись громоздкой пупырчатой картошкой, обложенный упаковками сэндвичей и банками шоколадной пасты, варенья или сгущёнки, которые с удовольствием поглощаю ложкой прямо из банки, как нормальные люди обычно едят йогурты. Синий свет монитора заливает моё лицо, придавая сходство с утопленником.

Ида напоминает чахлую тщедушную ботву неизвестного корнеплода. Невозможно узнать, что она на самом деле из себя представляет, потому что само растение скрыто слишком глубоко под землёй. А может там и нет ничего – всё сожрал ещё три года назад безжалостный крот. Иногда она покачивается на месте или перемещается в ту или иную часть квартиры без всякой видимой закономерности, словно влекомая глубоководным течением.

Несомненное достоинство еды в том, что она помогает отвлечься от всяких унылых размышлений. К счастью, у меня есть место, куда я могу перенестись из этого проклятого болота.

– Вслушайся в этот опенинг. У меня от него приятные мурашки по коже. Хочешь посмотреть вместе со мной или просто так тут стоишь? Можешь сесть, чтобы было лучше видно. Нет? Окей. Сюжет, кратко: это фантастическая история про команду учёных, которые бороздят галактику на космическом корабле и исследуют малоизученные планеты. Банально, согласен. Но это довольно старое аниме, так что когда оно выходило, эта тематика ещё не была так заезжена. Да и есть здесь нестандартные сюжетные ходы. Например, в арке, которую я смотрю сейчас им пришлось притвориться рок-группой чтобы попасть в мир, жители которого не пускают к себе исследователей. Зачем нужно было туда внедряться, поймёшь походу. Наверное... – я с надеждой взгляделся в лицо сестры. По крайней мере она уставилась в сторону экрана, что для неё является высоким уровнем заинтересованности.

– Это моя любимая героиня, Хотару. Во время этого фарса с рок-концертом она играла на ударных, но вообще-то она астрозоолог. Я сам не увлекался биологией, пока не начал смотреть... Глупо, наверное, да. О чём там я?.. В общем, получилось так, что команда разделилась, и единственная возможность спасти друзей – пригнать корабль в другую планетарную систему, за много световых лет. Но для управления

кораблём, даже таким небольшим, требуется пилот с очень мощным мозгом. Или несколько пилотов. Например, достаточно двух землян. Я думаю, Хотару найдёт себе помощника из местных, так что введут нового персонажа. Ида, ты меня слушаешь?.. Уже уткнула куда-то. Ну и ладно...

Я почти что нахожусь здесь: слышу эхо твоих торопливых шагов, чувствую масляно-металлический запах натёртых до блеска корабельных внутренностей. Индикаторы попискивают как беззащитные новорожденные крысята. Я всё это время незримо присутствовал на корабле, на всех планетах, где вы побывали, поучаствовал, пусть совершенно пассивно, во всех приключениях. Как думаешь, Хотару, если я попрошусь, капитан примет меня в команду хотя бы на испытательный срок? Я понимаю, что ты спешишь, но подожди меня.

Стой, зачем ты бежишь в центр управления? Вывела корабль на орбиту, точнее, дала команду, ведь это он может сделать самостоятельно. Но теперь требуется нейронное подключение, и тебя не пропустит система безопасности, ведь ты землянка, в отличие от твоего обожаемого пилота-полуальдебаранца. Как его вообще взяли в команду, если единственный его талант – сносно управлять кораблём. Наверняка это тёплое местечко выхлопотала его сводная сестра. Что ты вообще нашла в этом лётчике-мизантропе, проводившим своё отрочество в плену космических пиратов?

«Нейронная мощность Вашего мозга недостаточна для управления данным кораблём. В связи с риском для здоровья и жизни пилота, доступ к управлению запрещён» – возвестил бесстрастно-дружелюбный голос искусственного интеллекта. Так-то, я же говорил. Проклятье, я бы пол жизни отдал, чтобы стать твоим вторым пилотом.

«Хорошо, что он показал мне, как обойти блокировку. Друзья, я спешу изо всех сил!» – услышал я мысли Хотару. Что ещё ты задумала?! Это может быть опасно! Но мне остаётся лишь наблюдать, как миниатюрные бледные пальцы что-то напряжённо мудрят с виртуальной клавиатурой, пытаюсь обмануть искусственный разум корабля. Несколько неудачных попыток, затем (кто бы сомневался) успех. Не нравится мне это. Вздохнув удовлетворённо и нервно, девушка отвела со лба прядь белоснежных волос. «Начать синхронизацию» – голос звучал неестественно ровно, так что меня ощутимо кольнуло скрытое в нём напряжение.

Тысячи серебристых проводков, толщиной едва ли превосходящие нити паутины, обвили всё тело моей возлюбленной Хотару. Всё остальное помещение погрузилось в полумрак. «До окончания синхронизации осталось пятнадцать процентов... Десять... Пять... Синхронизация успешно завершена», – бодро вещает автомат. Не нравится мне всё это.

«Понеслась» – шепчет Хотару и корабль прыгает в гиперпространство. Это некая абстракция, которую человек не может осознать, но входя в симбиоз с корабельным ком-

пьютером умудряется в ней ориентироваться. Бесстрашный астрозоолог совершает отчаянный поступок во имя своей команды, приняв на себя непредназначенную для неё роль пилота. Как это банально... И как иронично, если учесть, что всё это время она была почти аутсайдером в компании друзей.

Сложно изобразить в псевдотрёхмерном мире анимации гиперпространство, которое толком и представить нельзя, но ещё сложнее описать словами. В первую очередь напрашивается сравнение с бесконечным калейдоскопом. Моя бесстрашная Хотару уверенно ведёт по нему корабль. Я вижу отражение разноцветного сияния гиперпространства в её красных глазах. Лицо выражает крайнее напряжение. Постепенно красными становятся не только радужки – белки окрашивают в розовый лопнувшие капилляры. «Внимание! Опасный уровень нагрузки! Выйти из гиперпространства?» – спрашивает корабль. «нет» – уверенно отвечает Хотару. «Да, да!» – мысленно умоляю я. корабль бороздит бесконечный радужный океан, в котором проплывают силуэты сложных стереометрических фигур.

«Жизненные показатели пилота на критическом уровне, – бесстрастно вещает машина, – ввести стимулирующие вещества?»

«Вводи»

«Температура тела пилота сорок один градус по Цельсию и продолжает подниматься. Понизить температуру в салоне

корабля?»

«Да, чёрт подери, да!» – хриплым шёпотом кричит девушка. На корабле становится холодно, как в могиле. Из рта девушки при выдохе вырывается пар. Из носа и ушей начинается идти кровь, напряжённое выражение лица постепенно превращается в страдальческую гримасу. Я бы отдал что угодно за возможность взять на себя хотя бы часть твоей боли, но мы существуем в разных реальностях. Запёкшимися от крови губами она шепчет имя этого злогребучего пилота. Полёт длится целую вечность. Но наконец, корабль сообщает, что мы на подлёте к нужной планете и предлагает включить автопилот и запустить программу приземления.

В следующем кадре я вижу команду в окружении врагов, и корабль прибывает в последнюю минуту. Но мне не до того, чтобы ликовать об их счастливом спасении – покажите мне Хотару! Пилот-полуальдебаранец вбегает в рубку. На его вечно равнодушном лице видны проблески беспокойства (малолетние анимешницы – его фанатки – всегда бурно умиляются в такие моменты). Он врывается в рубку и видит Хотару – девушка сползла на палубу из пилотского кресла, руки её безжизненно раскинуты, лицо залито кровавыми потёками, а застывшие глаза смотрят в пустоту.

Я залпом досматриваю три последние серии, не следя за сюжетом, в надежде найти хоть намёк на воскрешение любимой героини. Но безуспешно. Истекли последние секунды последней серии. Это был последний сезон. Я медленно за-

крываю лэптоп, откладывая в сторону и опустошённо смотрю на свои руки. Зрение расфокусируется, глаза заволакивает влажная солёная пелена. Всё кончено – я остался совсем один.

Глава 2. Черви на клавиатуре

1

Я чувствую себя рыбой. Глубоководной рыбой, плавающей совсем близко ко дну океана – там, где всегда тёмно, очень холодно и почти нет кислорода. Давление здесь колоссально – рыба никогда не сможет подняться повыше. Все её силы уходят на то, чтобы не погрузиться ещё глубже, остаться хотя бы на том уровне, на котором она сейчас.

У рыбы нет шеи. Поэтому она не может поднять голову и разглядеть наверху хоть что-нибудь, что придаст ей сил на попытку подъёма. Ей остаётся лишь закатывать подслеповатые глаза, чтобы изредка проследить взглядом быстрое и грациозное движение рыбок, обитающих ближе к поверхности. Их плавание легко и свободно, как полёт, а чешуя сверкает и переливается на солнце. Радость, красота, активность, любознательность – для них это естественно, как дыхание. И из-за этого глубоководная рыба неопишимо завидует им. Она ненавидит их, но и себя никогда не сможет полюбить. И едкая смесь стыда, зависти, безмерной усталости и злости пробуждают в ней желание содрать свою мерзкую склизкую кожу.

Да, вот так я чувствовал себя. Но до вчерашнего дня у ме-

ня по крайней мере был луч света, державший на плаву. Я действительно любил Хотару, и для меня она была реальнее многих людей. В её словах я находил вдохновение и ободрение, её поступки подсказывали правильный выбор. Именно её я представлял, когда хотел выговориться о своих проблемах или просто слишком нервничал, чтобы заснуть. Образ Хотару заполнял мои фантазии и сны. Как только последний луч света погас, рыба в изнеможении опустилась на дно.

У меня есть по крайней мере одна хорошая черта – я умею плакать беззвучно. За ночь я выплакал все слёзы, даваясь беззвучными рыданиями, и к утру заснул беспокойным болезненным сном. Сквозь сон я чувствовал, как Билл предпринял попытку меня разбудить, но вскоре он оставил меня, видимо, поняв, что я болен. По ощущениям, температура у меня снова поднялась очень высоко: кости ломило, болела голова, а глаза горели под веками. Вернулась боль в горле, отпустившая пару дней назад. Раньше я не позволял болезни растерзать себя, силой воли держа организм под контролем, ведь иначе мне пришлось бы остаться дома, пропустить несколько дней в школе, а за это время... Подумать страшно, сколько накопится долгов, которые потом придётся разгребать.

Однако, теперь мне было абсолютно всё равно. Было ли такое спокойствие приятным облегчением? Скорее оно напоминало ситуацию, когда по руке бьют молотком настолько долго, что она просто перестаёт чувствовать что-либо.

Несколько суток я пролежал, вставая с постели только чтобы сходить в туалет или принять лекарства, которые Билл соизволил купить. Мне даже ни разу не захотелось есть за всё это время.

Интересно, существуют ли иные стимулы вставать с постели, кроме тревоги и стыда? Наверное нет, ведь я даже не могу их представить. Спустя несколько дней совесть и нервозность проснулись, и я заставил себя встать, включил своему сознанию автопилот и продолжил делать всё то же, что обычно. Я часто применяю этот приём: если становится совсем немоготу, начинаю играть, что я зомби или робот, отсекаю все лишние мысли и просто делаю то, что должен без всякой мотивации или удовлетворения от результата. Теперь эта полезная игра стала моей реальностью.

Когда-то давно, в детстве, когда я ещё был способен формулировать свои мысли, по крайней мере письменно, я пробовал писать истории. Переносил на бумагу события с планеты моего воображения, от которого сейчас не осталось даже жалкого астероида. Уже тогда я совершенно не понимал людей, пишущих фанфики. Сама идея настроичить что-то по чужой вселенной, с чужими персонажами вызывала во мне лёгкую брезгливость, всё равно что пользование чужой зубной щёткой или донашивание пижамы. Но сейчас мне было совершенно необходимо хоть ненадолго нарушить правила игры в робота и сделать себе приятное – найти фанфик, где Хотару остаётся в живых.

Я провёл за монитором весь вечер, выискивая альтернативные сюжеты, но натыкался на смерть своей вайфу снова и снова. А если и попадались истории, где она не погибала, они звучали так фальшиво, что я не верил им. На секунду у меня появилась идея написать что-нибудь самому, но я знал, что сам себе тем более не поверю. Несмотря на затёкшие и ноющие от неподвижности мышцы, резь в глазах и головную боль, я решил продолжить мучительные поиски. Но внезапно заметил краем глаза подошедшую ко мне почти вплотную сестру. От неё исходил странный земляной запах. Глядя поверх монитора, она протянула мне через плечо руку, сжатую в неплотный кулак.

– Какого тебе надо? – раздражённо спросил я. Она разжала руку.

Прямо на клавиатуру шлёпнулся склизкий серо-розовый комок. Я даже не понял сначала, что это такое, но он зашевелился, разделившись на множество извивающихся дождевых червей. Они тут же стали расползаться в разные стороны, судорожно вытягивая и сокращая свои влажные тела. Я так резко подался назад, что опрокинулся навзничь вместе со стулом. Из-за сдавившего глотку рвотного спазма, я сначала даже не смог закричать. Не отрывая взгляда от стола, я с лихорадочной поспешностью попятился назад, пока не упёрся спиной в угол комнаты. В панике вжавшись в стену, я наконец нашёл в себе силы сделать вдох и издал пронзительный, рыдающий вопль. В глазах всё поплыло, и моё

сознание, парализованное нестерпимым страхом, перенесло меня в одно из воспоминаний почти восьмилетней давности.

Безлюдный тенистый уголок парка дышит прохладой. Именно на этой поляне, где столько хороших ветвистых деревьев, куда взрослые не приводят выгуливать своих детсадовцев, ребята чуть постарше решили построить шалаш. Трое мальчишек и две девочки, (два моих одноклассника, девочка на класс старше, и двое незнакомых ребят лет по двенадцать) организовали настоящее тайное общество – уже третий день подряд они приходили сюда, деловито шушукались, чертили на земле чертёж будущей базы, таскали палки и картонки. И мне страсть как хотелось присоединиться к их интригующей игре. Но меня в тайное общество не принимали: кому понравится водиться с таким неповоротливым молчаливым недотёпой. Однако, я не сдавался.

– Привет!

– О, снова ты. Достал.

– Но можно всё-таки...

– Нет!

– Но я буду помогать! Могу таскать самые тяжёлые палки... И кое-что полезное вам принёс, – я нервно пошарил в порванном кармане, – вот! Это – скотч! Он сделает вашу базу крепче.

– Хм... – самый высокий из мальчиков (должно быть, он здесь за главного) как бы нехотя приблизился ко мне, выхва-

тил скотч, небрежно рассмотрел и процедил сквозь зубы:

– Ладно, так и быть. Помогай. Иди и собери... Ровно двадцать червей.

– Так точно! – радостно воскликнул я и побежал исполнять указание, лосем проламываясь сквозь кусты.

– А зачем нам червяки-то? – услышал я писклявый девчачий голос.

– Да просто так, чтоб под ногами не путался.

Я не понял, кто должен не путаться под ногами, поэтому рьяно приступил к поискам. Не так просто было выкапывать дождевых червей без лопаты, тем более, что дождя давно не было. Тем не менее, через пару часов я управился с этим. На полянку я вернулся весь потный, с грязными коленками и обломанными ногтями, но чертовски довольный. В горсти у меня копошились отборные червяки.

– Фух, принёс! Тут целых двадцать два, а не двадцать, и я выбирал покрупнее!

– Припёр-таки? Ого! Фу...

На меня смотрели с неподдельным удивлением и раздражением. Но тут на лице главного мелькнуло злорадство, которое я, по детской наивности принял за улыбку одобрения.

– Это было лишь первое испытание на пути в тайное общество.

– Я готов к следующим!

– Хорошо. Тогда подойди к этому дереву, встань спиной и протяни руки назад.

Я так и сделал. Затем позволил туго стянуть себе руки моим же собственным скотчем. От этой новой захватывающей игры мне было слегка не по себе, но я так гордился осознанием своей храбрости!

– Теперь открой рот.

Я открыл.

– И-и-и... Принимай доставку! – с этими словами он попытался засунуть червяка мне в рот. Ну уж нет! На такое я не подписывался – это же просто издевательство какое-то!

– Не буду я! Убери!

– Как так! Каждый член нашего клуба обязан пройти вступительное испытание! – осклабился парень, нависая надо мной. Остальные строители прервали свои дела и обступили нас, предвкушая новую потеху.

– Тогда... – едкие слёзы обиды и разочарования сдавили мне горло, – не нужен мне ваш дурацкий клуб! Я и сам шалаш построю, лучше вашего!

– Ахаха! Этот малолетка сам построит базу! Только фиг ты отсюда уйдёшь! Вот сейчас начнёт темнеть – нас всех домой позовут. А ты тут стой! Стемнеет, и тебя волки с маньяками съедят.

Я тут же попытался вырваться – не тут-то было. Руки были склеены очень крепко, и мои попытки ослабить путы только причиняли боль. Они покатывались со смеху. Я разрыдался. Клуб продолжил свою бурную деятельность, а я всё плакал и плакал, надеясь, что меня услышит какой-нибудь

взрослый, и справедливость восторжествует, пока не получил увесистую затрещину. Опасаясь новой боли, я лишь тихо всхлипывал, поникнув головой.

Тени деревьев сгустились и удлиннились, став похожими на плоских чудищ с когтистыми кривыми пальцами. Ребята собрались уходить. Я окрикнул их срывающимся голосом.

– Х-хорошо! Я это сделаю! Только, умоляю, не остав-
ляйте меня здесь одного!

– Только чур не жульничать!

Возможно, если бы я мог зажать нос, мне было бы хоть немного легче, но так как руки мои были связаны, я был вынужден ощущать их затхлый почвенный запах. Примерно на половине экзекуции меня стошнило.

– Фу-у-у! Так и быть, это снова можешь не есть. Но то, что осталось – будь добр!

Я мечтал потерять сознание, да хоть умереть ни сходя с места, но этого не произошло. Пытка была доведена до конца. Они зашли за дерево, и я уже напряг ноющие руки, ожидая, что меня вот-вот развяжут... Но шумные шаги моих мучителей стали быстро удаляться.

– Вы же обещали! Отвяжите меня!

– Ты просил не оставлять тебя одного. Ты и не будешь один – здесь же волки и маньяки! – засмеялись голоса из темноты.

– Пожалуйста!

– Засунь себе своё «пожалуйста»!.. И учти: расскажешь

кому – будешь каждый вечер так питаться, уж не сомневайся!

Я кричал и плакал, пока их насмешливые голоса не растворились в вечерней тишине лесопарка. Потом эхо собственного голоса так напугало меня, что я не мог больше выдать из себя ни звука, только корчился иногда от рвотных позывов. Заломленные за спину, перетянутые, исцарапанные корой руки нестерпимо саднили. Начал накрапывать дождь. Меня нашли родители (тогда они ещё жили вместе), но то было уже под утро.

С того случая я боюсь всего, что движается червеобразно. Но ещё больше я боюсь людей.

Глава 3. Поющая жемчужина

1

– Дура! Лучше бы ты была в коме! – прокричал я, выскакивая из комнаты.

На мои истошные вопли даже выглянул Билл.

– Что разорался, тебя убивают что ль?!

– Пошёл ты! – не оборачиваясь бросил я и, рванув с крючка в прихожей первую попавшуюся куртку, от чего у той с треском оторвался капюшон, накинул её на себя и бросился вон. На улице всюду бушевал снего-дождь. Я втянул голову в плечи и быстрым шагом пошёл куда глаза глядят. Должно быть, было очень холодно, но я не замечал этого – мне как раз необходимо было немного остыть. «Ведь нарочно же, нарочно по больному!» – бормотал я про себя, щурясь от секущего лица ветра. Такой поступок действительно был неожиданно подлым для Иды – ведь только ей я рассказывал о том, что именно произошло в парке, и она несомненно помнит об этом, ведь ей тогда было уже пять. Тогда почему же?... За что?... Зачем?... Может, она хотела таким образом встряхнуть меня. Но почему тогда не сказать! Неужели это так сложно?! А если совсем разучилась говорить – так подойди и обними, как сделала, когда я, десятилетний, ры-

дая рассказал тебе о своих злключениях. Но нет! Гораздо лучше швырнуть мне под нос комок грёбанных червей!

По крайней мере одного она добилаь. Во мне проснулась первая настоящая эмоция с момента смерти Хотару. И эмоция эта была – ярость. А за ней нахлынули обида, горечь и одиночество. Я почувствовал, что ужасно замёрз. Аж зуб на зуб не попадает. Огляделся – кругом незнакомые дома. Ещё не хватало заблудиться! Снова разболеюсь, как пить дать.

Я попытался восстановить в памяти траекторию своих лихорадочных блужданий, но тщетно. Долго бы я скитался по ночным улицам, если бы не увидел вдалеке какой-то свет. Станный пурпурный огонёк тут же приковал моё внимание. Уж не знаю, что меня на это сподвигло, но я как зачарованный пошёл к нему. И вот что удивительно – казалось, он находится в паре метров от меня, но как я ни ускорял шаг, он всё не приближался. Внезапно я обнаружил себя возле своего дома. Лиловый шарик размером примерно с виноградину преспокойно лежал под козырьком моего подъезда. Я наклонился и поднял его. Он был на удивление тёплым. «Какая странная штука...» – подумал я, вертя его в руках. Шарик был наполнен густой перламутрово-сиреневой жидкостью, клубящейся как атмосфера крошечной планеты и испускающей мягкое сияние. Расплывчатые узоры красивейших оттенков переливались в нём, словно в калейдоскопе. Они вызвали у меня воспоминание о гиперпространстве. Я по ассо-

циации вспомнил о Хотару и снова приуныл.

В нашу комнату я заходил с большой опаской, а к компьютеру не рискнул даже приблизиться, хотя червей не было видно. Надеюсь, Ида убрала их, или Билл вдруг расстарался. Перед тем как лечь на кровать, я на всякий случай тщательно осмотрел подушку и простыню, встряхнул одеяло. Лёг. Сестра-торшер стояла в углу возле своей кровати лицом к стене. Наверное, может показаться странным, что мы живём в одной комнате, несмотря на то, что мы уже не дети. Раньше это действительно была детская, а в другой комнате жили мама и Билл, отец Иды. И мы жили неплохо, то того дня, когда моей сестре выпало петь на концерте в честь выпускного из начальной школы.

Она пыталась скрыть, как горда собой, но я легко догадывался об этом по радостным искрам в её глазах. Ведь она будет исполнять сольный музыкальный номер на глазах у всех учеников начальной школы и их родителей! Подумать только – для выступления не выбрали не Хельгу, которая гораздо выше и была бы заметнее на сцене, и не Анну, первую красавицу в классе по прозвищу Рапунцель, а именно её – мою маленькую сестрёнку за то, что она прекрасно поёт. Для этого торжественного случая она упростила маму немного подвести её светлые брови и ресницы и подкрасить коралловым блеском бледные искусанные губки. На ней была клетчатая юбка и парадная белая рубашка, а на тонких русых волосах красовались огромные белые банты.

Мама тоже оделась нарядно. Летнее платье так шло к её стройной, даже немного слишком худой фигуре. Такая будет и у Иды, когда она подрастёт. А вот мне, к сожалению, телосложение досталось от отца.

– Позвони папе! – взволнованно попросила Ида, – он сразу к школе подъедет?

Мама набрала Биллу, который как раз должен был вернуться из командировки, но он сообщил, что рейс задерживается на несколько часов. Он никак не мог бы успеть. Тогда сестра стала умолять меня пойти на концерт посмотреть, как она поёт.

– Неа, и речи быть не может, у меня консультация к экзамену.

– Ну, не сам экзамен же. Пожа-а-алуйста!

– Я правда должен пойти. Это очень важно.

– Ну милый бра-а-атик любимый! – скороговоркой проговорила она, обнимая меня на уровне пояса, докуда хватало роста, – это же всего один раз в жизни!

– Этот экзамен тоже один раз в жизни.

– Ну иди на свою тупую консультацию, всё равно ничего не сдашь! – с досадой выкрикнула она.

– А ты иди на свой тупой детсадовский концерт, всё равно ты поёшь как будто кошку душат!

– Неправда! Непра-а-авда! – нервное ассиметричное личико Иды болезненно скривилось. Она из последних сил сдерживала слёзы, чтобы не размазать первый в жизни ма-

кияж.

– Счастлив? – с укором спросила мама и быстро повела Иду в коридор, – вырастила придурка! А ты чего разнылась? Истеричка. Резче, а то на автобус опоздаем. Сплошное мучение с вами...

Это были последние слова, которые я от неё слышал. Когда я вернулся домой с консультации, то узнал о теракте в сестриной школе. Мама погибла у Иды на глазах. Сестра даже не была ранена, но находилась в глубоком обмороке. Врачи опасались, что она вообще не придёт в сознание и впадёт кому. Но этого не случилось. Я был в её палате, когда она открыла глаза, но в этих двух маленьких лужицах болотного цвета моей сестры больше не было.

Я принял наиболее комфортную позу, обняв подогнутый уголок одеяла и подтянув колени к животу. Сжался. По спине всё ещё изредка пробежала дрожь – тело напоминало, как я выгуливал его по промозглым ночным улицам. Я уже балансировал на грани сна, но моё сознание цеплялось за тихую, будто играющую в соседней комнате, музыку. Как ни странно, она не раздражала меня, как раз наоборот: мне вдруг захотелось найти её источник и приблизиться к нему. Я лениво вылез из постели и походил по комнате, стараясь не шуметь и напряжённо прислушиваясь. Поиски вывели меня в коридор – чарующая, едва слышная мелодия лилась из кармана куртки, в которой я блуждал сегодня. Я

тут же вспомнил о странном шарике. Неужели он и является источником звука? С нарастающим удивлением нашарил его в кармане, поднёс к уху. Так и есть.

Я снова лёг, подложив свою находку под ухо. В отличие от наушника, лежать она совсем не мешала. Ненавязчивая мелодия стала громче и вкрадчиво заполнила мой измученный мозг, вытеснив все неприятные переживания. Я стал различать в ней отдельные голоса: бархотный голос мамы, звенящий и трогательный – Иды, нежный голос Хотару из оригинальной озвучки... И ещё бесчисленное множество голосов, слившихся в завораживающую полифонию, подхватившую меня мягкими волнами светлой печали и бесконечной нежности, словно вся вселенная признавалась мне в любви. Должно быть, я уже сплю.

Не смотря на утро ненавистного всеи буднего дня, я почти не чувствовал себя разбитым. Садясь на постели, я скадил с подушки фиолетовый шарик, и он со звонким стуком упал на пол, но, к счастью, не разбился. Конечно, никого пения из него не доносилось. Как, в прочем, и сияния. Признится же такое! Единственное, что мне показалось странным: вчера она вроде была поменьше. Я сунул её в нижний ящик стола, к запасным ластикам и прошлогодним конспектам, и стал собираться в школу.

Вяло возя зубной щёткой по зубам, я по привычке рассматривал своё лицо. Результат осмотра, как всегда неутешительный. Словно внебрачный сын бульдожки и ламантины – ну и убожество! Интересно, прыщи могут появляться вторым слоем, или придётся отращивать второе лицо?.. Гнилая солома волос висела понурами сосульками. Светлые волосы вообще мало кому идут. То ли дело чёрные – хоть визуально заострили бы черты лица. В своё время я даже намеревался их покрасить, но что делать с грёбаными бровями? Глаза б мои их не видели, зачем люди вообще изобрели зеркала!

Я почувствовал, как кто-то дергает меня за рукав, вздрогнул и оглянулся. Сестра смотрела снизу вверх (кажется, с десяти лет она вообще не выросла), но не на меня, а как-то

сквозь, и протягивала мне... Чёрный маркер. Перманентный.

– О, так трогательно! Спасибо, сестрёнка, но я, пожалуй, обойдусь без макияжа. Привык уже, – грустно улыбнулся я, и ядовито-горькая жалость стеснила грудную клетку.

По пути в школу я задался вопросом, были ли у меня друзья хоть когда-нибудь, может, в раннем детстве. Поезд убаюкивал меня своим размеренным гроыханием, и я погружался все глубже в воспоминания, год за годом пересыпая песок времени, мелкий и тусклый. И наконец наткнулся на самородок: лето, когда мама лежала в больнице на сохранении (она была беременна Идой), и за мной было совсем некому присматривать. В тот год меня отправили к каким-то дальним родственникам, кажется, двоюродным бабушке с дедушкой. Я помню знойное безоблачное небо – днём на улице можно было легко схлопотать солнечный удар, помню приземистый одноэтажный дом с четырёхскатной крышей. Беседка, качели, небольшой садик. А главное – мой друг!

Вот что удивительно: ни имя его, ни лицо не сохранились у меня в памяти. Но он однозначно не был плодом моего воображения, ведь на него реагировали мои родственники, а ещё у него была бабушка (тётя?..) и жили они в соседнем доме, вдвоём. Постепенно я выторговал у памяти несколько штрихов для его мысленного портрета: спокойные умные голубые глаза, широкий лоб. Молчаливый упитанный паренёк (понятно, почему мы так сошлись!), несмотря на жару вечно

носивший серый свитер и шерстяные штаны.

Во что мы играли? О чём говорили? Хоть убей, не помню. Но вот кое-что поценнее разговоров и игр. Я часто помогал родичам в садовых работах, потому что мне нравилось чувствовать себя нужным и получать похвалу, жа и делать больше было особо нечего. Разумеется, к вечеру я уставал от возни на солнце, но уснуть всё равно подолгу не мог – очень волновался, как там мама. Иногда даже плакал в подушку, но ни с кем не делился своим беспокойством. В одну из таких ночей я услышал зов своего друга, а потом увидел и его самого, карабкавшегося снаружи на подоконник. Не помня себя от радости, я открыл ему окно и предложил войти, но он спрыгнул во двор, приглашая меня следовать за собой. Я немного опасался выходить ночью на улицу, но всё равно пошёл.

Мы прокрались в дальний угол сада, где в окружении зарослей крапивы возвышалось какое-то кряжистое дерево. Друг бесстрашно нырнул в крапиву – вот и пригодилась плотная одёжка. Недовольно сопя и почёсывая крапивные ожоги, я наконец добрался до дерева. Это оказалась вишня! Моя любимая ягода, а я и не знал, что в саду она есть! Мой друг был мастер лазить по деревьям, но и я не отставал от него. Наверное, мы были всего в полтора метрах от земли, но пятилетний я чувствовал себя царём горы. Ветви дерева образовывали удобную лежанку, где мы как раз помещались вдвоём. И кругом столько терпких сладких вишен –

только руку протяни. Густая крона образовывала купол, который отлично защитит нас от зноя я любопытных глаз даже в полдень. Я поблагодарил друга и принялся уплетать вишню. Сам он ягоды не любил, поэтому только щурился на лунный свет, тонкими струйками просачивающийся сквозь прорехи вишнёвого шатра, и, должно быть, улыбался.

Возвращаясь домой, я снова вспомнил о своём друге детства и решил непременно его разыскать. Это оказалось не так просто.

– Билл, не знаешь, где хранятся старые фотографии, ещё до Идиного рождения?

– А я помню, что ль? Поройся у меня в комнате, на шкафу. Только срach не устрой.

На шкафу действительно валялись три толстенных пыльных фотоальбома. Вот уж не думал, чтл мамина дотошность по отношению к старым фоткам когда-нибудь окажется такой полезной. Я терпеливо принялся листать клеёнчатые страницы. Ну где же ты?! С того лета, когда я был без мамы осталось много фотографий, но в основном на них была запечатлён первый месяц жизни сестры. Какая она смешная была... А, вот и оно. Побелённый дом, крытый терракотовой черепицей. Рыдающий я (похож на подвяленную рыбу каплю в коротких штанишках). И, в конце концов, общая фотография: родственник, родственница, я, а рядом – мой друг детства. Голубоглазый. Большой лобастый серый кот.

Я долго ещё сидел с альбомом на коленях, тупо уставившись на фотографию своими жабыми глазами и не зная, смеяться мне или плакать. Получается, мой един в жизни друг был котом! Это о чём-то, да говорит. Жаль, что я не видел его с тех пор. Он, конечно, давно уже умер. Здорово было бы взять к себе какого-нибудь его потомка и заботиться о нём... Но я и так сбрасываю кожу, как ящерица, из-за нервного дерматита. Я нервно поскрёб ногтями красное шелушащееся предплечье, потом подбородок. Пойду, прилью их кипятком, от этого зуд ненадолго пропадает.

А вечером шарик снова запел. Видимо, я постепенно съезжаю с катушек, но раз это такой приятный процесс, то почему бы и нет. В эту ночь мне впервые за долгое время принился сон.

Я с трудом разлепил глаза. Чувство было такое, словно я оправляюсь от тяжёлой болезни: вроде нигде уже не болит, но тело ещё сковано мягкими цепями слабости. Слышится тихий, размеренный писк, свет яркий и холодный, потолок белый. Я сел на постели, точнее, на койке, и огляделся. Так и есть – почему-то нахожусь в больничной палате. У противоположной стены, всего в трёх шагах от моей, стоит вторая койка, и на ней тоже кто-то лежит. Кто-то маленький, укрытый до шеи белой простынёй. Короткие белоснежные волосы разметались по подушке. Задохнувшись от внезапно нахлынувшего волнения, я вскочил на ноги и, преодолевая слабость, бросился к ней. Так и есть – Хотару! Дышит тихо и ровно. Глаза цвета киновари в опущении белых ресниц неплотно прикрыты. Стоило мне беззвучно, одними губами, произнести её имя, как они открылись. Целую вечность мы молча смотрели друг на друга. Наконец, я спросил:

– Как это возможно? Почему ты жива?

– Разве ты ничего не помнишь? – вопросом на вопрос ответила она, ласковым жестом приглашая меня присесть

на край кушетки, – ведь я здесь только благодаря тебе.

– Мне?! – поразился я.

– Ты ведь подверг себя серьёзной опасности, став для меня донором нервной ткани. Может быть, из-за этого некоторые воспоминания пропали.

«ПРОСТО СОН» – стрельнуло у меня в голове. Разумеется. Но какой великолепный сон!

– Я... Прилягу к тебе?

– Д-да.

Палата неуловимо преобразилась, превратившись в абстрактный пример Максимально Уютной Комнаты. Теперь золотистый лунный свет лился из приоткрытого окошка, вместе с ароматным летним ветерком, колыхавшим занавески цвета топлёного молока, и шелестом листвы (прямо под окном росло дерево. Вишня). Зыбкая паутина света выхватывала книжные полки, клавиатуру невидимого в мягкой тьме компьютера, пальцы Хотару, переплетённые с моими.

Сон был удивительно реалистичным, и от того – ещё более нереальным. Комната – одновременно знакомой и незнакомой, тело – моим и не моим. Можно сказать, это была лучшая версия меня. Версия, достойная того, чтобы лежать под одним одеялом с Хотару, целовать её алебастровую кожу, пахнущую миндалём и ванилью. Того, чтобы её руки приятно шарили по телу, как любопытные белые мышки.

– Нельзя заниматься этим со своей вайфу – это святотатство, – робко возразил я. Голос звучал глухо от смущения,

но этот вид смущения я бы хотел испытывать круглые сутки.

– Лъзя... – коротко ответила она. Что я мог возразить?

...Алые радужки на фоне белых белков, как две земляничины в молоке, алый румянец на бледном лице альбиноски, нежно-розовые бугорки сосков на бледных полукружьях груди, идеально помещающейся в ладонь, и наконец – алая-алая кровь на белоснежной простыне...

...Как самая любимая песня, сладкому ритму которой внимаешь, обмирая в предвкушении долгожданного припева. Её песня заканчивается чуть раньше моей: земляничные радужки с расширенными зрачками наполовину прячутся под верхними веками, распухшие от поцелуев губы застывают приоткрытыми в еле слышном крике, гибкое тело судорожно выгибается...

...Наконец, и у меня наступает момент, на котором я всегда просыпаюсь. Но на этот раз мне удаётся удержаться в сне, не смотря на полноту ощущений.

Отдышавшись, неопределённое время просто расслабленно лежу, уткнувшись лицом ей в ямку пониже ключиц. Давно я не чувствовал себя так... Безмятежно.

– Может покормишь своего питомца? – спросила вдруг Хотару.

– Что? У меня нет питомцев, – лениво ответил я, не меняя положения.

– Значит, это не твой зверёк там скребётся?

Я действительно услышал какой-то шорох, приподнялся

на локте и посмотрел в угол комнаты. Там, под столом, сновало какое-то приземистое существо, размером примерно с крысу. Но, к моему разочарованию, это была не крыса, а просто каплевидное нечто, покрытое золотисто-зелёным мехом. Впрочем, красивое создание, тем не менее...

– Это точно не мой – я ведь даже не знаю, кто это! – Удивился я, – откуда оно вообще здесь взялось?

– Может быть, вылупилось из этого? – предположила Хотару, свесившись с кровати и подняв с пола какие-то тускло-фиолетовые скорлупки. Она пересыпала их из своей ладони в мою. Осколки были тёплые и сухие и, как только я коснулся их, стали быстро испаряться. Прежде чем они окончательно исчезли, я успел догадаться, что они – всё что осталось от моей поющей жемчужины. Так значит, она была яйцом! Что ж, из такого чудесного яйца не мог вылупиться плохой детёныш, так что, почему бы и нет – пусть будет моим питомцем. Уж на него-то у меня точно не будет аллергии. Мои сны – мои правила. Знать бы ещё, чем оно питается...

Не долго думая, я создал большую миску, доверху заполненную разноцветными пористыми шариками, вроде корма для грызунов.» Пусть здесь будет всё необходимое для него» – подумал я. Зверёк с видимой радостью скользнул к миске и громко захрустел. Я же – скользнул обратно под одеяло с чувством выполненного долга. Меня тут же окутала сладкая дремота – разум терял концентрацию на сновидении.

– Ты устал? – уловил я ласковый шёпот Хотару.

– Да.

– Тогда поспи.

– Я и так сплю...

– Но в этом сне ты бодрствуешь...

– Слишком сложно... – я почувствовал, как её руки обвивают и баюкают меня и позволил себе совсем размякнуть, отпустив своё сознание плыть по волнам покоя.

Глава 4. Наездник мыши

1

Часа в четыре утра меня разбудил адский грохот и лязг, доносившийся из кухни. Хорошо, что он не прервал моё сладкое сновидение – спасибо и на этом! Спросонок ещё более неуклюжий, чем обычно, я немного не вписался в дверной проём, больно задев плечом косяк. Грязно ругаясь шёпотом и нащупывая путь по коридору второй, невредимой, рукой, я опрометью бросился на шум. И что же я увидел, когда включил свет? Всего лишь мою больную на голову, погашенную об стену сестру, чтоб её черти драли, сестру, сидящую на полу посреди разбросанных кострюль и сковородок и что есть силы (и дури) молотящую по ним двумя столовыми ложками.

– Это ещё что?! А ну прекрати! – устало взмолился я, но она едва ди слышала. Пришлось силой забрать ложки и даже поддержать некоторое время её руки, по инерции сушащие в воздухе. К этому моменту приплёлся Билл – длинное заспанное лицо, длинные волосатые ноги, длинные тёмно-синие семейные трусы.

– Совсем спятила что ль? – ворчливо осведомился он, и тут же добавил, опускаясь на колени рядом с нами: – хоть

не поранилась?

– Нет, только шум подняла, – успокоил его я, – может ей снотворного дать?

– Только зря пичкать колёсами ребёнка. Сам не знаешь что ль – упорствовать не будет. Выкинет что-нибудь этакое, да и забудет.

Я только взохнул и плечами пожал. За руку отвёл Иду в комнату, положил на кровать – не сопротивлялась. «Вскрыть бы тебе черепушку и посмотреть, что там происходит» – с горечью подумал я. Лёг. Воспоминания о сновидении первой половины ночи сразу подняди мне настроение, и я так и уснул, перекатывая и шлифуя их в памяти.

Второй раз я проснулся, когда Билл уронил что-то в прихожей, одеваясь. Значит, сейчас не меньше полвосьмого. Неужели я пропустил будильник?! Так и есть. Очевидно, выключил его, да и завалился дальше спать, как ни в чём не бывало. Второй раз за сутки я судорожно вскочил и бросился. Вот же Билл, что ему стоило заглянуть к нам и растолкать меня! Так нет же!

Я торопливо оделся и выскочил из дома, даже не позавтракав и не почистив зубы. Не смотря на то, что в боку почти сразу закололо, путь до метро я проделал бегом. Втиснулся в переполненный вагон. Наверняка видок у меня сейчас... Попал, как на зло, в самое оживлённое время – все толкаются, спешат: кто на работу, а кто как я – на учёбу. И почему, интересно, это столпотворение называется «час пик»? По-

чему не «час крестей», например? Или «час червей»?.. Нет, фу, червей не надо!.. Надо больше спать.

Даже если это просто уроки в школе, почему бы не называть их парой, когда два одинаковых идут подряд? Так вот, я успел только ко второй части первой пары, и то не к самому её началу. Когда я зашёл в класс, на меня обратили больше внимания, чем обычно. По рядам пробежал противный, как озноб, шёпот, раздались приглушённые, замаскированные под кашель смешки. Ну, опоздал немного – что тут такого?.. Постепенно понял, что дело не в опоздании. Некоторые ещё несколько раз оборачивались на меня, кто-то сделал жест «рука-лицо». Что-то не так в моём внешнем виде. Проклятье! Я ведь не видел себя с утра. Попроситься выйти?.. Это привлечёт ещё больше внимания, я и в обычных ситуациях стараюсь избегать внеплановых выходов из класса, разве что, если кровь носом хлынет. Пришлось дотерпеть до конца урока.

В зеркало в туалете я заглянул с опаской. Увидив своё отражение, издал протяжный нервный вздох. И было от чего: мои брови были густо и неровно подведены чем-то насыщенно-чёрным. Странно, вроде раньше я не страдал лунализмом, хотя должно быть и более логичное объяснение. Я попытался смыть боевую раскраску, но она даже не размазалась с первой попытки. Чёрный маркер – догадался я. Перманентный. Сестра постаралась. Как я всё-таки её люблю.

Не смотря на всю трогательность подобной заботы, вечером я попросил её больше так не делать. Надеюсь, она приняла к сведению.

Заглянув в холодильник, я нашёл только пару яиц, початую банку сгущёнки и дюжину банок пива. Не удивительно – сам я давно не ходил в магазин, хотя жрал за целую армию, а Билла только за смертью посылать. Мне не удалось пере-силить себя и снова выйти в промозглое ненастье, поэтому я решил импровизировать. В итоге, когда Билл через полчаса подтянулся на кухню, его ждал сладкий омлет.

– Что за хренотень, Эмиль?

– Не обижай моё детище. Ты ему, может, тоже не нравишься, – ответил я, с большим аппетитом уплетая собственную стряпню.

– Не мог в магазин сходить, что ль?

– Не нравится, не кушай. И вообще, не будь меня, ты питался бы только пивом. Иде вот нравится, – я указал на сестру, под шумок пристроившуюся у сковородки и поедающую омлет без вилки, руками.

– Да она и крысу тухлую съест, если ты приготовишь, – буркнул он, всё-таки снизойдя до того, чтобы сесть за стол. Странно, я и не замечал, что сестра мою стряпню так жалует.

После ужина я заделал себе в ведроподобной круже ко-

фе – чёрный, как ночь, и сладкий, как грех, как говорилось в одной из моих любимых книг. И пусть из-за него неприятно бУхает сердце, без этого пошла ночной забот даже не стоит начинать.

Несмотря на несколько кружек кофе, глаза мои начали подло слипаться. Сегодня давно перетекло в завтра, и я заранее чувствовал, каким невыспавшимся буду с утра. Структурные формулы расплывались, превращаясь в бессмысленные соты, реакции наотрез отказывались уравниваться. Я вздохнул, с хрустом потянулся, встал и немного прошёлся по комнате. Сестра уже легла, по обыкновению не причесавшись и не раздевшись. Я скользнул взглядом по её столу и наткнулся на раскрытый учебник по зоологии. Как ни странно, сестрёнка неплохо успевает в школе, если только задания не включают устную речь, сочинение текстов и коммуникации. Я вдруг вспомнил о зверьке из своего сна. Кажется, когда-то я видел похожего на картинке в учебнике. Немного отогнав сонливость, я принялся без особой надежды листать желтоватые страницы. И тут (вот удача!) наткнулся на маленькое изображение своего питомца. Подпись гласила: «Морская мышь (*Aphrodita*), класс Многощетинковые Черви». Опять черви, и здесь без них не обошлось! Хотя мой Мыш довольно милый, так что пусть будет исключением из моей антипатии. Впрочем, что я несу – вряд ли моё подсознание второй раз выдаст что-то наподобие вчерашнего.

Поскольку я решительно не мог больше сосредоточить-

ся на уроках, пришлось покидать учебники в рюкзак и лечь спать. Я хотел было найти свой поющий шарик, но его нигде не было. Наверное, закатился куда-то. Я пока не настолько тронулся умом, чтобы решить, что он действительно испарился, предварительно перенесясь в мой сон.

Я даже не заметил, как заснул, и снова осознал себя в уже знакомой Абстрактной Максимально Уютной Комнате. У меня и раньше бывали места, кочевавшие из одного сновидения в другое. Пожалуй, это что-то вроде «чертогов разума» или просто пресловутая зона комфорта, которой не нашлось места в реальности. Тогда Хотару, получается, стала моей тульпой (или как теперь модно называть воображаемых друзей?..), хотя я и не прикладывал никаких усилий, чтобы создать её. Наверное странно, почему я до сих пор не отдался на милость психиатрам? Что ж, ответ прост – в одной комнате со мной уже три года существует живой пример их полного бессилия.

Хотару так сладко спала, свернувшись под пододеяльником, что я не решился её разбудить и на цыпочках вышел из комнаты. Коридор и кухня были такими, как от них и ожидалось – Максимально Уютными. На кухне внезапно появился Мышь, буквально вынырнув из воздуха. Он заметно подрос со вчерашнего. Теперь он был размером с небольшого кролика. Я вообразил ему добрую порцию корма и удовлетворённо наблюдал, как он ест. Закончив трапезу, он стал возбуждённо бегать вокруг меня и даже потянул за штанину,

дотянувшись до неё беззубым ртом.

– Хочешь меня куда-то отвести, малыш? – любопытствовал я.

Мышь сделал телом какое-то волнообразное движение, а затем похлопал себя по спине длинными переливчатыми отростками пароподий.

– Хочешь, чтобы я сел к тебе на спину?.. – наугад предположил я. Как ни странно, Мышь сделал телом положительное движение.

– Но... Ты ещё маловат для этого. Хотя, постой... Это я великоват!

Во сне я могу беспрепятственно изменить свой размер. Так я и сделал. Теперь ножки стола стали толстыми, как корабельные мачты, кухонный гарнитур стал подобен горному массиву, а Мышь стал ростом мне по пояс и длиной со взрослого пони. Я осторожно вскарабкался к нему на спину, чувствуя нетерпеливое подрагивание щетинок и напряжение кожно-мускульного мешка.

– Рванули! – с улыбкой провозгласил я. И Мышь рванул...

Сквозь уютный пол абстрактной кухни, сквозь рыхлую ткань моего сна, прорвался червь в невообразимое, неперевариваемое моим разумом пространство. Здесь нет притяжения, невозможно определить направление, скорость, расстояние, нечего взять за ориентир. Здесь и меня почти нет – одна сущность, сознание, (можете даже назвать это душой, если так понятнее), всеми фибрами вцепившаяся в своего

червя. Сам-то Мыш, похоже, чувствовал себя здесь в своей стихии. Бесконечное переплетение невозможных форм, постоянно движущихся, меняющих цвет, выворачивающихся наизнанку, поглощающих сами себя и возникающих из неоткуда. Запахи: мелодичные, тёплые и шершавые. Звуки: пахнущие пуговицами, сдобой и синевой весеннего неба. Слишком чужеродно. Слишком непонятно. Слишком всеобъемлюще...

Это сковывает мой разум ужасом. Он кричит, корчась, из последних сил прижимаясь к спине червя, и крик получается большим, металло-керамическим, угловато-красным. Это сводит меня с ума. Ещё немного и я... Просто... Не выдержу...

Но тут Мыш снова проделал червоточину и сбросил меня со своей спины прямо в неё. Я снова оказался в привычном трёхмерном пространстве и долго приходил в себя, летая бесплотным призраком. Интересно, смогу ли я наутро вспомнить этот сон?.. Я стремительно спланировал вниз, к лесу, состоящему сплошь из гигантских папоротников и хвощей. Неплохая прорисовка – моё подсознание постаралось на славу. Здесь я и сконденсировался, и тут же мягко шлёпнулся на влажный мох. У меня были длинные-длинные руки, ноги и пальцы – кажется, в них было как минимум по одному лишнему суставу. Кожа синеватая, влажная. Почему-то я был уверен, что именно такие существа будут чувствовать себя как дома в мире этого сна. Из одежды – ка-

кой-то многослойный бесформенный балахон буро-зелёных оттенков. Вглядевшись в своё отражение в лужице болотной воды, я различил сморщенное лицо с огромными, вогнутыми внутрь блюдцами глаз. Какая я милая старушка – настоящая ведьма!

Глава 5. Я ведьма

1

Конечно, ведьма и есть. Вот у меня и избушка соответствующая – сваи, покрытые густым изумрудным лишайником, крыша из пожухлых листьев древовидных папоротников, маленькие близорукие окошки. И что же будет в моём логове? Полки с разноцветными пыльными склянками, связками корней, и парой пожранных молью чучелок, это обязательно. Жёсткие колчаногие стулья... Хотя зачем это! Набитые сеном пуфики. Имеет де уважающая себя ведьма право жить с комфортом! Так, здесь умывальник и котёл. Вот – словно сто лет тут жил! Ой, что это я, жила. И действительно не меньше сотни лет. Уж если снится тебе, что ты ведьма, так будь добр, выдерживай колорит.

Немного муки их ствола хлебного папоротника, молоко гигантских тлей, яйцо домашнего птеродактиля, варенье из шишек и мха – ведьма будет печь пирожки. Я замесила тесто, разделила на подходящего размера кусочки, раскатала и в каждый завернула немного варенья. Затем щелчком пальцев разожгла огонь, и положила получившиеся пирожки печься прямо на плоские камни, составляющие очаг. Пока я следила за выпечкой и игралась с пламенем, заставляя

его принимать причудливые формы, снаружи раздались приближающиеся шаги. Интересно, кто это ко мне пожаловал на ночь глядя?

Приоткрыв низкую скрипучую дверь, я выглянула на улицу, вытянув длинную морщинистую шею. Внизу, у подножия шаткой лесенки, служившей моей избушке крыльцом, стояла девочка. Её глаза (такие же, как у меня, вогнутые блюдца) смотрели на меня удивлённо, испуганно, но не без любопытства. Ладный тонкий стан прикрывало только короткое пончо из листьев, оставляя нежно-лазурную кожу суставчатых конечностей блестеть под лучами солнца, пробившимися под лесную сень. В руках девочка сжимала плетёное лукошко, полное мясистых улиток.

– Доброго вечера, маленькая, доброго вечера! – добродушно проскрипела я, – не желаешь ли отведать пирожков с вареньем?

– Ты – незнакомая, – с опаской ответила девочка, – почему здесь ты? Дома не было. Зачем дом не в деревне?

– Всё-то тебе знать надо, – усмехнулась я, – ведьма я, обыкновенная колдунья. Пирожки будешь ли? Мне не жалко! – повинуясь движению моей руки, готовые пирожки погрузились на широкое блюдо, возникшее прямо из воздуха, и плавно вылетели на улицу, к маленькой дикарке. Та замерла на секунду, ещё сильнее расширив круглые глаза, а потом вдруг сорвалась с места и припустила прочь, да так поспешно, что даже уронила свою корзинку. Уже издалека я услы-

шала её крик:

– Незнакомая колдовать! Незнакомая ведьма! Беда случаться!

Вот и делись с людьми вкусняшками после этого! Ну и ладно – мне больше достанется.

Только я успела доестъ и достать книгу заклинаний, чтобы почитать на сон грядущий – тут-то они и заявили. Дюжины две молодчиков в защитных пончо из плотной кожи, с копьями и факелами в длинных лягушачьих руках.

– И что вам длма не сидится? – проворчала я.

– Убивать ведьму! – гортанно выкрикнул один из них. Остальные одобрительно загудели.

– А вот так не хотите? – воскликнула я, взмахнула руками, и над болотом поднялся шторм. Горе-воины завертелись в воздухе как сухие листья, роняя своё грозное оружие. Когда я решила, что с них хватит, ветер аккуратно поставил их на землю – я ведь хотела их только припугнуть, а не поранить. Не успев даже толком опомниться, доблестные дикари бросились бежать, в том же направлении, что и моя первая знакомая. Я решила наведаться к ним в гости.

Небольшая деревня оказалась достаточно далеко от моего жилища, чтобы до меня не доносился её докучливый гам, но добраться до неё не составляло труда. Ещё до того, как я ступила на утоптанную землю единственной улицы, деревушка словно вымерла. Лишь испуганно следили из каждой щели испуганные блестящие глаза. Я деловито прошлась

по деревне, по-хозяйски оглядев без малого три десятка составлявших её домов. Это были примитивные, крытые папоротниковыми листьями, бунгала. За деревней протекал небольшой ручей. Рядом – маленькое поле с чахлыми всходами какого-то сиреневого злака.

– Не заслужили, конечно. Но я ж иначе места себе не найду, когда проснусь, – вздохнул я. То есть, ведьма вздохнула. Изобразив для приличия в воздухе какие-то магические пассы, и вырастила столько злаков, что деревушку окружило целое сиреневое море. Ни прибавив более ни слова, я заковыляла к себе домой. Когда я, наконец, улеглась на свой матрас, набитый ароматным сеном из лесных трав, на небо уже взошли обе луны: золотистая и медно-оранжевая. Красота! Снаружи послышался робкий стук, затем грохот, как будто кто-то кубарем скатился с лесенки, попытавшись отойти от двери как можно быстрее.

– Да иду я, иду!

Под дверью лежал свёрток душистых лепёшек, а на поляне с ноги на ногу переминался длиннотелый туземец.

– Ведьма извинять?.. – осторожно стросил он.

– Да-да, милок, так и передай. Конечно, извинять.

Вспомнив на утро свой сон, я долго смеялся, про себя, разумеется. Из обрывков каких образов, подчиняясь какой извращённой логике, мой мозг соткал этот чудной мир, а тем более невообразимый переход в него?.. Не даром я решил пойти по тернистому пути нейробиологии – есть в этой науке области, которые так и просятся быть изученными.

Прежде чем вылезти из постели, я понежился ещё пару часов, как и в любой день, когда обстоятельства не заставляют меня вставать к определённому времени. Надеюсь, Билл купил еды. Я встал и оделся, даже причесался немного (хотя моей соплистой соломе от этого, похоже, ни жарко, ни холодно). Заправив свою постель, я по привычке поздоровался с сестрой, неподвижно стоявшей в дверях, и принялся за её неприбранную кровать. К немалому беспокойству, я обнаружил на ней несколько пятен крови. Они были небольшими, но кровь была ещё свежей, так что спутать её с чем-то другим было маловероятно.

– Ида, с тобой всё нормально? Ты не поранилась? – спросил я, без особой надежды на ответную реакцию. Как и предполагалось, она не ответила, будто не слышала. Я подошёл к сестре и за руку притянул её в комнату. Она не сопротивлялась, но и не продолжила бы идти, если бы я отпустил её – как воздушный шарик на верёвочке в безветренную пого-

ду. Я внимательно осмотрел её костлявые веснушчатые руки, придавая им разные положения, в которых они и оставались, словно у манекена. На плечах нашлась пара ссадин, но старых, подсохших.

– Не против?.. – проклятое смущение нахлынуло даже по отношению к этой маленькой, некрасивой, ничего не осознающей девочкой, но я пересилил себя и оглядел так же её босые ноги, острые коленки... Чуть выше левого колена застыла капля подзагустевшей крови. Я хотел было проследить до основной ранки её след, уходящий всё выше и выше по внутренней стороне бедра. Но тут же отпрянул, словно кожа сестры ударила меня током.

– Т-ты... У тебя... Чёрт!

Конечно, всё можно списать на мою природную недогадливость, но ведь Ида до сих пор выглядела на десять, словно её тщедушное тело застряло в этом возрасте, и дальнейшего развитие было остановлено произошедшим с ней потрясением.

– Тупица, небось и не поняла, что с тобой происходит. Конечно – кому ж тебя просветить, – моё смущение можно было, наверное, принять за брезгливость. Я чувствовал себя растерянным и беспомощным и старался не глядеть на сестру, – живот не болит? Дам и тебе на всякий случай таблетку, всё равно не скажешь ведь, даже если больно. Не волнуйся, это у всех происходит. Девушек. И надо купить... Ох... Ну за что мне всё это!

За всё время, пока я бегал в магазин, сестра ни на миллиметр не изменила положения. Теперь и мою простынь придётся стирать.

– Так. Вставай. Да встань же... – я поднял её за плечи, – теперь... Кхм... Знать бы ещё, как это делается... В котором ящике у тебя бельё? Ага, вот. Запоминай, больше не буду делать это за тебя: берёшь; отлепляешь; И, типа... Налепляешь. Прими душ, прежде чем переодеть. С этим, надеюсь, сама справишься?!

Плавным, почти механическим, движением взяв трусики у меня из рук, девочка направилась в сторону ванной. Я вздохнул с облегчением, проследив взглядом за её цыплячьими лопатками, выпирающими сквозь растянутую футболку. Иногда мне кажется, что она где-то близко и почти понимает меня.

Мне снился старинный, залитый солнцем город. Невысокие дома в готическом стиле, сложенные словно из ккбиков тростникового сахара, были залиты мягкими лучами солнца. И ни одного человека кругом – красота. Я мог бы вообразить Хотару, чтобы прогуляться с ней по этому городку, но вместо этого почему-то подумал о Мыше. И стоило мне вспомнить о нём, как этот пушистый паршивец тут как тут – выскочил прямо из стены дома. В холке высотой мне уже по колено. Наверняка нагуливал жирок в своём жутком невообразимом пространстве.

– Предупреждать надо, когда тащашь человека чёрт знает

куда! – мягко пожурил я. Вместо ответа он снова нетерпеливым жестом пригласил меня проехаться на нём.

– Ну уж нет! Хотя... Не мешало бы навестить мою ведьмину избушку и лягушкоподобных приятелей. Так и так с ума схожу, вези.

Я уменьшился до подходящего размера, оседлал Мыша и крикнул «вперёд!». Но тот не двинулся с места.

– Ну давай же! Или тебе особое приглашение нужно?! Как я там сказал в прошлый раз?.. Погнали?.. Не работает. А, точно – рванули!

И только я произнёс это слово, червь просочился сквозь залитый солнцем город в то измерение, которому названия нет. Я был на грани паники, вновь и вновь пытаюсь понять, что я вижу, подогнать это место под разные шаблоны своего сознания, и снова чуть не вывихнул себе мозги. В конце концов я просто смирился с тем, что оно существует. Пусть будет таким, как оно есть. Мыш в этом разбирается, ему и доверюсь. Удивительное дело, но когда я подумал так, мой страх постепенно сошёл на нет.

Ещё один бесконечный миг – и вот я уже в своей болотной хижине на высоких сваях. Пожалуй, стоит провести моих ихтиандров.

Я спустилась по трухлявой лесенке и направилась в сторону деревни по едва заметной тропинке. Примерно на половине пути дорогу мне преградил упавший древовидный хвощ. «Должно быть, его выворотило ураганом,» – подумала я. Од-

нако тут же заметила, что ствол ошестинился прикреплёнными к нему копьями, наклонёнными в мою сторону, а также странными ярко раскрашенными приспособлениями, издающими резкие звуки от каждого дуновения ветерка.

Что ж, люди всегда пытаются отгородиться оттого, чего не понимают, так что не буду нервировать их своим присутствием – ведь в моём распоряжении целый мир.

Но постойте... Что за тревожный шум доносится с их стороны? Не похоже на праздник или что-то подобное. Я взвилась в воздух и стремительно полетела вдоль тропы.

В несколько мгновений добравшись до деревни, я застала там ужасающую картину: в потемневшем и, как бы, уплотнившемся воздухе над единственной улицей рваная дыра. Словно рана в ткани мироздания. Я чувствовала, что она уходит за пределы этого мира. Из дыры высыпали несколько дюжин не то муравьёв, не то тараканов, ростом с крупную собаку. Зловещие существа деловито сновали по деревне, бесстрастно убивая её жителей. Те пытались дать им отпор, но деревянные и костяные орудия оказались не способны пробить крепкую кутикулу насекомоподобных захватчиков. Поняв это, туземцы обратились в бегство, но даже их длинные ноги, привычные к передвижению по трясине, не могли спасти их от захватчиков.

Могла ли я просто забить на них и полететь заниматься своими ведьминскими делами? Ведь это были всего лишь глупые крестьяне... Но это были МОИ глупые крестьяне!

С ушераздирающим воплем банши я выскочила на середину истоптанного пришельцами поля и сразу оказалась в гуще бойни. Схватила ближайшего муравья-переростка. Хищным движением притянула к себе. Вонзила длинные иглоподобные зубы в тонкую талию-перемычку. По бульдожьей мотнув головой, разорвала тварь пополам. Передняя половина стала снова подползать ко мне, конвульсивно дёргаясь и щёлкая жвалами. Из разорванного туловища хлестала мерзкая, воняющая аммиаком жижа, цвета ушной серы. Мало показалось?! Прыгнула навстречу недобитой твари. С хрустом сомкнула челюсти на её черепе. Какой едкий, кислый, будоражащий, великолепный вкус! Разрывая хитиновые сочленения нечеловечески сильными руками, запихиваю себе в пасть всё новые и новые куски плоти. Как же вкусно! Ещё один, уже бежит сюда, мой хороший. Ну же, нападайте скопом, что вы такие кислые (ха-ха)?! Все твари переключились на меня, словно по команде, слышанной только ими. Прыжок. Хрусть. Торжествующий рык. Ещё один повержен. И ещё двое – как забавно раскололись их головы, когда я схлопнула их вместе, подняв за шкурки, как щенков. Я даже не знаю, кто вы, ну так отдувайтесь за всех. Всех, кто меня бесит. Всех, кого я хочу убить. Расчленишь. Растерзать. Сожрать. О-о-о да!

Одному из них всё же удалось достать меня – его жвалы довольно легко перегрызли мою жилистую руку. Но я мгновенно отрастила новую. Дурачок, мне даже ни капельки

не больно! Ты же мне просто снишься! Ой, нет-нет, не пытайся сбежать в свою пространственную нору! Видишь, мои когти уже впились в твоё хитиновое брюшко, давят тебя, аак мокрицу. И не пытайся делать щенячьи глазки – у щенков нет грёбанных фасеток. Просто позволь мне высосать твои восхитительные кисленькие внутренности и закусить хрустящей как чипсы бронёй!

А теперь, пора заделать эту уродливую прореху. Я схватила за края дыру в пространстве руками своего разума и изо всех сил потянула их друг к другу. Это оказалось куда труднее, чем давить вылезших из неё существ, но приложив колоссальное усилие, я всё же соединила края между собой. Допустим, моя волшебная слюна может стать настолько липкой, что скрепляет ткань мироздания. Допустим. Это же МОЙ сон. Я смачно плюнула на сведённые вместе края пространства, и они тут же послушно слиплись между собой. Да так ровненько – даже рубца не осталось. Вот и хорошо: не хватало ещё моим глупым крестьянам терпеть аномалии посреди деревни. И так натерпелись...

– Эй, пацаны и пацанессы, куда вы все попрятались? – крикнула я, стараясь снова придать своему голосу милую старушечью тональность. Удалось лишь отчасти – он всё равно отдавал рёвом дикого зверя. Мне просто нужно немного расслабиться, а эти бедолаги пусть пока приходят в себя. Я бы всю жизнь заикался, если бы оказался на их месте в реальной жизни! Так странно думать о реальной жизни во сне.

Начинаешь сомневаться, действительно ли она настолько реальна... Может быть, я могучая добрая ведьма, сотни лет живущая в своей хижине посреди бескрайнего болотистого леса. Просто иногда мне снится, что я унылый мальчик Эмиль – белобрысый восемнадцатилетний увалень с планеты Земля. Вряд ли может случиться что-то, что собьёт меня с толку ещё больше.

Вернувшись в свою хижину, я заварила немного папоротникового чая, чтобы отбить вкус инопланетной плоти. Сейчас он уже не казался таким приятным, как в пылу сражения. Выпив чай, я прилегла на свой тюфяк, укрылась чьей-то мохнатой иссиня-чёрной шкурой и положила к себе на колени увесистый томик с заклинаниями. Поскольку я не ставила себе целью придумать, о чём там написано, мой мозг генерировал какую-то белиберду, постепенно усыпившую меня.

Ого, неужели это сон во сне? Такое со мной бывало отсылы пару раз в жизни. Мыш, ты здесь? Ага, тут как тут. Снова зовёт в путешествие, неугомонный. Если в других мирах будет так же весело как в этом, я, так и быть, согласен потерпеть пространство между ними.

– Рванули!

Глава 6. Дальше в лес – больше дров

1

Неси меня, мой верный Мыш, в любое место, что тебе по нраву! И пусть там будет весело!

На этот раз я осознал себя шагающим по тротуару вдоль широкой, как футбольный стадион, дороги. Я с любопытством огляделся. Громадные аморфные небоскрёбы, будто перетекающие один в другой, обвитые, пронизанные, спутанные многоуровневой сетью шоссе, подобных тому, на котором я оказался. Словно бесконечный рой механических пчёл носятся по ним и над ними беззвучные каплевидные автомобили. Напугал ли меня этот новый мир волнами неоновых волн? Отпугнул ли бешеным натиском звуков? Отнюдь нет. В реальности я бы с ума сошёл от подобного. Но нынешний я чувствует себя здесь в своей тарелке.

Вальяжно прогуливаясь по улицам этого исполинского неоновых муравейника, блестящего, как леденец, и бесформенного, как раковая опухоль, я с праздным любопытством разглядывал его разношёрстных обитателей и заимствовал у них некоторые черты. А выбрать было из чего: в этом ми-

ре, похоже, уживалось множество рас, и далеко не все из них были человеческими. Но в этот раз я постарался не перемудрить и придал себе внешность и повадки Абстрактного Привлекательного Парня. Это было существо, почти во всём противоположное мне: харизматичное, высокое, тонкостное, темноволосое и эстетично угловатое. Только зелёные глаза я решил оставить, сменив лишь оттенок болотной тины на почти изумрудный.

В таком виде я и заглянул на огонёк в один из сочащихся медвяной музыкой ульев. Широкий вход был затянут искристым неосязаемым полем, беспрепятственно пропустившим меня внутрь. В серии огромных, перетекающих друг в друга залов размещалось что-то вроде клуба или центра развлечений. В первом царил полумрак, то и дело разрываемый эпилептическими вспышками разноцветного света. Плотная толпа людей, антропоморфных енотов, гигантских желеобразных слизней и прочих существ, способных слышать и двигаться, извивалась и подпрыгивала под ритмичную музыку, настолько громкую, что вибрировал пол. Я бы присоединился к их веселью, но по эстетическим соображениям не выношу попсы, какому бы миру она не принадлежала.

Протолкавшись сквозь танцующих, я оказался в более степенной обстановке, однако и здесь был свой накал: вдоль стен стояли игровые автоматы, а большую часть пространства посреди зала заполняли игральные столы.

Я постоял возле первого попавшегося стола, стараясь вникнуть в правила игры. Вскоре мне это удалось, но я также заметил ещё один важный нюанс: соигроки после каждой партии давали друг другу пять. Однако, это не было проявлением дружелюбия, просто у каждого в ладонь было вживлено какое-то платёжное устройство, и посредством соприкосновения можно было перевести деньги на счёт или снять их. Поскольку это МОЙ сон, я легко скопировал это удобное устройство и стал вполне платёжеспособным. Как всё-таки приятно осознавать, что твои средства абсолютно неограниченны!

Я присоединился к игре, сходу делая крупные ставки и часто проигрывая, по неопытности, чем быстро привлёк внимание. Конечно, жульничать для меня было бы просто, как два байта переслать, я мог бы запросто обчистить это милое казино. Но к чему мне выигрыши, если я и так бесконечно богат? Во первых, читерство свело бы на нет весь азарт, а во вторых, мне просто нравилось смотреть, как радуются другие игроки, когда выигрывают. Давно я так искренне не радовался за других людей!

Постепенно я стягивал на себя интерес и симпатию всех присутствующих: меня приглашали ко всем столам одновременно, очаровательные (хоть и не всегда человекоподобные) официантки то и дело подносили подносы с инопланетными явствами и напитками, которые я немедленно поглощал, щедро давая пять направо и налево и не заботясь о том, ка-

кие именно суммы при этом списываются со счёта. Всякий стремился чем-то заинтересовать меня, завести разговор, и я разговаривал с ними и искренне смеялся их шуткам, хотя и многого не понимал. И смех мой был невероятно мелодичен и заразителен, и я был просто очарователен, когда смеялся, да и в принципе неотразим. Мне это было известно наверняка, ведь я иногда посматривал на себя от третьего лица (ещё одно полезное умение, доступное, к сожалению, только во сне).

Я был так опьянён непривычной дозой внимания, что смутно помню, как так вышло, что еду я стал поглощать вместе с подносами, разевая бездонную пасть, словно шрам протянувшуюся от уха до уха. Кто были трепещущие от восхищения девушки, что ластились ко мне, дрались за место на моих коленях: первом, втором, третьем, четвёртом... Пожалуйста, не ссорьтесь! Я же всех вас так люблю, мне не сложно отрастить ещё кучу коленей, на которых вы сможете уютно усесться и приласкать меня, мне же это только в радость! Вам даже не обязательно подходить ко мне близко, друзья мои! Смотрите, какие длинные руки-щупальца я отрастил – и на каждом светятся цифры платёжного устройства. Видите, мне ничего не жалко, дайте пять! ДАЙТЕ МНЕ ПЯТЬ И ОБОЖАЙТЕ МЕНЯ! НЕ ВЗДУМАЙТЕ УХОДИТЬ, Я ВСЁ РАВНО ПРИТЯНУ ВАС НАЗАД!

Больше ртов, чтобы есть и пить, болтать и смеяться, больше рук, больше тела, больше меня! Иначе я не смогу вме-

стить весь этот праздник!

(Стук...)

Я стал огромным, бесформенным и пугающим, умудрившись не растерять при этом свою демоническую красоту. Кто-то пытался сбежать, а кто-то остался, загнипнотизировавшись моим великолепием и, похоже, немного тронувшись умом.

(СТУК)

Я бы хотел, очень хотел продолжать наслаждаться всем этим, но что-то всё настойчивее стучало у меня в голове, и блистающий неоновый мир стал затуманиваться, растворяться...

– Эй!..

К стуку добавился робкий оклик и я, выдернутый из безумной грёзы, нехотя разлепил глаза. Я проснулся, но ещё не в реальности – я снова был ведьмой.

– Эй! Ты спать?! Ведьма, ты спать?! Я подарок!

– Да иду я, иду! Кого тут принесло с утра пораньше на мою седую голову? – я неторопливо подошла к двери и открыла её. Внизу нервно мялся какой-то подросток из деревни. Его кожа имела редкий нежно-лиловый оттенок, а тело, прикрытое лишь несколькими листьями, было ладным и гибким.

– Я войти?..

– Ты кто?

– Я хороший подарок. Ведьме. От всей общины.

– И что мне с тобой делать, солнце?

Юноша нервно сглотнул. Я заметила, что его колени немного дрожат.

– Любое. Всё, – дрогнувшим голосом ответил тот и покорно склонил голову.

Я начала понимать, что к чему – мои глупые крестьяне, в благодарность за спасение их деревни (а заодно, наверное, чтобы умиловить меня), решили принести мне в жертву самого красивого отрока. Что ж, очень трогательный жест с их стороны, но они малость переоценили мою кровожадность, да и к мальчикам я равнодушна, если уж на то пошло.

– Иди-ка ты домой, милок. И передай своим, что мне не нужно таких «хороших подарков», лучше бы вечеринку в мою честь устроили. И дерево своё дурацкое с тропинки

уберите.

Выдохнув с видимым облегчением, паренёк убежал в сторону деревни, сверкая перепонками на пальцах ног. А я решила приготовить ещё немного местных вкусняшек, ведь в глубине своего сознания я помнила, что рано или поздно проснусь несчастным юным землянином, который постоянно хочет есть и при этом ненавидит себя за каждый проглоченный кусочек.

Но не успела я даже наколдовать нужные ингредиенты, как в дверь снова постучали. На этот раз увереннее и настойчивее.

– Если это снова ты, Хороший Подарок, я превращу тебя в комок тины! – с досадой проскрипела я. Но это оказался не он.

На пороге стоял человек в тёмно-зелёном плаще с капюшоном, потёртых штанах, забрызганных болотной грязью, и ещё менее чистых высоких сапогах со шнуровкой.

– Ну здравствуй, ведьма из Омега-28. Я войду?

– И тебе не болеть, милоч, – ответила я, – сапожки бы только снял, больно грязные.

Проигнорировав мою скромную просьбу, незнакомец вошёл в хижину и откинул капюшон. Тускло-янтарные глаза немного оживляли усталое длинное лицо с колючими чертами. Короткие растрёпанные волосы слегка отливали медью.

– Будешь рагу из брахиопод под грибным соусом?

– Так я и знал...

– Не обязательно грибным.

– ... То есть, тебя не смутила моя внешность человека?

– Н-ну... Давненько я не видела ребят вроде тебя, отрицать не буду.

– По моим данным, никогда. Гуманоидные формы жизни в мире «Омега-28» не обитают.

На это я не нашлась, что ответить.

– Другие миры часто туманят сознание, но, я уверен, ты помнишь, что на самом деле ты никакая не ведьма.

А ведь он прав.

– Ладно, ты меня раскусил. Я Эм...

– Тебе не обязательно говорить настоящее имя! – незнакомец округлил глаза, как будто я попытался рассказать что-то невероятно личное.

– Оно и не настоящее, просто Эм, – выкрутился я.

– Вот и хорошо. Не важно, как тебя зовут в твоей реальности, – он произнёс это слово с явным пренебрежением, почти как ругательство, – Ты новичок, да?

– Смотря в чём, – пожал я костлявыми ведьмиными плечами.

– В переходах между мирами, разумеется. Как давно у тебя появился червь?

– Дня три назад... Может, пять... – попытался припомнить я. Во сне всегда сложно восстановить временные рамки реальности, и наоборот.

Если до этого рыжий плащеносец проявлял лишь лёгкое

любопытство, теперь он был явно удивлён.

– Даже если инкубационный период был довольно коротким, твоему червю всего пара дней! Как же он может нести наездника? Допустим, на неопытность, из-за которой он мог сбросить тебя в Межпространстве, можно закрыть глаза. Но он же банально... Маленький!

– Так я уменьшился, чтобы быть ему в пору.

Незнакомец удивлённо ухмыльнулся и покачал головой. Затем задумчиво протянул:

– А ты неплох, Эм. Можешь звать меня Тайн, я такой же путешественник, как и ты.

– Хорошо. Можно спросить, как ты... Ну... Вычислил меня.

– Ты ведь и не скрывался. Сначала особь из мира с зачаточной цивилизацией в одиночку справляется в боевом отрядом муромитов, а потом странное существо устраивает сверхъестественный кутёж в одном из самых населённых миров. Такое трудно не заметить – типичный почерк миролаза-новичка.

– Я не понял ничего из того, что ты сказал, но ты довольно интересный. Расскажи коротко, что тебе нужно, а то вдруг мне скоро просыпаться.

– «Просыпаться»?.. – переспросил он, – а, ты наверное так называешь отсоединение. Впрочем, неважно. Я могу более подробно информировать тебя в следующий раз. Мир Альфа-13. Лови образ.

– Э... Что, прости?

– О, неужели ты даже не умеешь ещё пользоваться образами? Впервые встречаю такого зелёного новичка! – в его голосе раздражение боролось с умилением. Странный персонаж, даже для моего сна.

– Постарайся сосредоточиться, я передам тебе как бы мысленный снимок... Или слепок того мира, в котором назначил место встречи. Ты должен запечатлеть его, а потом сможешь передать его своему червю, и он отвезёт тебя, куда нужно.

– Звучит просто.

Я постарался сосредоточиться на этом персонаже, и тут же в моём мозгу сверкнуло воспоминание. Яркое, объёмное, настолько концентрированное, что его не перевести на язык слов. Возможно, это действительно можно назвать образом целого мира.

– Спасибо, – успел сказать я. И тут что-то грубо выдернуло меня из этого сна.

Глава 7. Двое из АМН

1

В первые секунды я с перепугу решил, что произошла какая-то катастрофа. И было отчего перепугаться: грохот и лязг металла, словно от несущегося на меня тепловоза, и надсадные нечеловеческие крики. Только вскочив с кровати, я вспомнил, что просто поставил тяжёлый металл себе на будильник и настроил максимальную громкость, на которую только был способен динамик моего мобильного – боялся опять проспать. Проснуться это, конечно, помогло и взбодрило не на шутку, но я пообещал своей и без того потрёпанной нервной системе больше никогда так не делать.

Обыкновенно я валяюсь в кровати минут двадцать после пробуждения, так что в этот раз смог позволить себе побольше потупить и позавтракать неспеша. К сожалению, Билл тоже пришёл на кухню раньше обычного.

- Что так рано подскочил?
- Да как тут не подскочить. Ты там сатану вызывал что ль?
- Ранней пташке и бог даёт...
- ...Подзатыльник. Кстати, ты не мог бы выгулять свою сестру сегодня вечером?
- Зачем? – недоверчиво поинтересовался я.

– Ну... Свежим воздухом подышать. А то всё сидите дома как сычи...

Я только хмыкнул в ответ.

– Опять подружку приведёшь?

– Не твоё дело, – хмуро отмахнулся Билл.

– Да ладно, не брюзжи, я спорю будто. Но в такую погоду...

– Намёк понял, кино за мой счёт.

Нужно ей это кинцо – как мёртвому припарки. Но всё лучше, чем просто слоняться по холоду. А что насчёт Билла, так это тоже дело привычное: за эти три года он уже пытался завязать отношения с двумя или тремя девушками, да только не одна не задерживалась с ним дольше месяца, и я понимаю их. Наверное, они просто чувствовали своё бессилие, снова и снова видя в глубине его глаз свернувшегося кольцами, дремлющего змеёныша депрессии. Но так же понимаю и Билла, ведь я и сам день за днём притворяюсь, что всё в порядке. В принципе, парень он неплохой, и раз внешность позволяет – почему бы не попытать счастье.

Я всё ещё размышлял об этом в метро, вновь наслаждаясь звучанием музыки. Любовь – это, должно быть, приятно, но вы когда-нибудь включали сотни раз переслушанную любимую песню в новых наушниках? Когда на привычной громкости мелодия почти оглушает, звучание вновь становится объёмным, и ты вдруг обнаруживаешь, что там, оказывается, в два раза больше инструментов и, скажем, женский

голос на подпевках. Связанные с композицией воспоминания подхватывают тебя мягкой волной и ты просто ставишь её на повтор!.. Что-то в этом есть.

После пересадки я попал в довольно плотную толчею, и оказался почти вплотную притиснут к миниатюрной кудрявой девушке, коротко стриженной и довольно андрогинной, но очень миловидной. Она болтала о чём-то со своей подругой – высокой брюнеткой с ослепительно-синими глазами, – а я вдыхал фруктовый аромат её шампуня и представлял, как здорово было бы погладить пушистые русые волосы. Дальше фантазий мои отношения с реальными девушками ни разу не заходили. На следующей станции кудрявая малышка вышла, но перед этим поднялась на цыпочки и беззастенчиво поцеловала в губы свою высокую подругу. Ну... Что ж... Пожалуй, «мило» – довольно подходящее слово. Кто знает, кого предпочёл бы я сам: страшную и улыбающуюся девушку (вроде фем-версии меня) или харизматичного чувака вроде... Например... Почему-то то на ум вдруг пришёл Эм – образ, который я создал себе во сне про инопланетный город.

Пытаясь воскресить подробности своего сумбурного сна и периодически отвлекаясь на фантазии о тройничке с милой парочкой из метро, я благополучно проехал свою остановку.

Хорошенько укутав сестру (наверное, примерно так себя чувствуют работники магазинов одежды, одевая манекены), я повёл её к ближайшему торговому центру, в шумных нед-

рах которого располагался кинотеатр с почти дюжиной залов. Однако ничего особенно интересного ожидать не приходилось: я заранее посмотрел расписание сеансов, и самый нормальный фильм, идущий в подходящее время, оказался очередным экшеном про супергероев. Ну сколько можно их штамповать? Такое ощущение, что супергероев скоро станет больше, чем простых людей. Я, может, тоже супергерой – Человек-сон. И моя способность – видеть крутые сны. Пользы она, конечно, никому не приносит, но и вреда не приносит ведь. Значит, неплохая.

Попкорн был мной уже наполовину съеден, а череда трейлеров рекламировала всё новые фильмы о супергероях. От бесконечного мельтешения начинало мутить. Я откинулся на спинку удобного кресла и прикрыл усталые глаза. Внезапно знакомое сочетание слов заставило меня вновь сфокусировать своё внимание на экране. «Команда Аксолотля» – гласила огромная перламутровая надпись. Что?! Неужто по тому самому аниме, что принесло мне столько радости и страданий, снимают полнометражку? А я ничего не знал об этом! Странный трейлер... Подождите-ка...

Вместо полуминутного ролика явно начинался полноценный фильм. Мы что, перепутали зал? Даже если перепутали – я не могу поверить своим глазам. Мне такого и не снилось!

Я кинул взгляд на ряды кресел вокруг меня, надеясь по реакции других зрителей определить степень нормальности

происходящего. Во всём зале не было ни души. Вот всё и встало на свои места – всего лишь сон. Что ж, это лучше чем смотреть о противостоянии Человека-креветки и Человека-заварочного-чайника, или ещё кого подобного.

Пожалуй, выдуманный фильм я смогу досмотреть в любой момент. Гораздо интереснее, смогу ли я заставить своё воображение продолжить многосерийную эпопею с червями и переходами через... Как там говорил тот странный рыжий человек? «Межпространство»? Почти привычное слово для любителя фантастики вроде меня. Я поставил фильм на паузу (потому что я могу), и свистнул Мыша.

Он почти в ту же секунду вынырнул из соседнего кресла и полез мне на колени, шурша золотистыми щетинками пароподий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.